

## ИСКУССТВО ЭПОХИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

## Седьмая симфония

Когда обидываешь мысленным взглядом симфоническое наследие великих мастеров прошлого, то видишь, что каждая новая симфония — это новый этап в творческой жизни композитора. То же мы видим и у Шостаковича. Каждая из его последних симфоний говорит новое слово, служит важной ступенью в творческом развитии этого выдающегося советского художника.

В 7-й симфонии Шостакович обратился к художественной проблеме огромного общественного значения. Не будем напоминать программного содержания 7-й симфонии. Оно хорошо известно и по авторским высказываниям и по появившимся уже в печати статьям. Остановимся на том, что особенно существенно отметить, говоря о новом произведении Шостаковича.

Самой значительной по содержанию, по соответствию замыслу и силе его воплощения является первая часть симфонии и прежде всего — музыкальная картина вторичейся в нашу мирную жизнь войны.

По поводу этой картины приходится иногда слышать недоуменные вопросы: «Как, разве эта краткая, как будто гротесковая частица и есть тема современной, несущей неисчислимые бедствия, разрушительной войны?».

Товарищи, так ставящие вопрос, неправы. Действительно, коротенький, подчеркнуто-примитивный мотив войны, сопровождаемый трескотней маленького барабана, выглядит гротеском; это как будто марш злых, тупых гномов. И это не ошибка композитора. Против нас ополчился карлик Гитлер, вообразивший себя великаном. И симфония как бы разоблачает идейное ничтожество врага. Но карлик направил против нас огромные массы, одурманенные фашистской демагогией, вооруженные первоклассной военной техникой. И при всем идейном ничтожестве противник представляет собой чудовищную военную машину, разбить которую можно только при полном напряжении всех сил страны. Поэтому и тема войны в седьмой симфонии, ширясь, наполняя звучанием зал, становится поистине страшной. Так следует понимать замысел Шостаковича — несомненно интересный и художественно убедительный.

Вторая часть симфонии, по замыслу композитора, — воспоминание о былых радостных днях. Это скерцо оправдано логикой музыкальной формы и как нельзя более уместно между обширными и значительными по содержанию первой и третьей частями симфонии. По общему колориту хочется сравнить его с некоторыми скерцо Чайковского. Кстати, наличие этого скерцо, в котором ясно ощущается дух русской музыкальной классики, дает почувствовать недостаточность национальных элементов в остальных частях симфонии.

Теперь о капитальной, третьей части. В конце концов, толкование инструментальной музыки всегда в какой-то мере субъективно. И композиторское истолкование не всегда является единственно возможным. Многие слушатели, несомненно, услышат в третьей части не столько восхищение природой, поклонение гуманизму, науке, культуре, о которых говорит Шостакович, сколько сердечную боль непосредственного свидетеля бессмысленных

жестокостей, варварского разрушения культурных ценностей, производимых фашистской армией. Возможно, что эта душевная боль вошла в музыку Шостаковича и помимо его намерений.

Финал — краткое и мощное заключение убедительно говорит о грядущей победе, которая освободит человечество от фашистской чумы. А пока война не кончена и борьба продолжается, нужно попрежнему напрягать все силы, чтобы добиться окончательного разгрома врага.

7-я симфония — произведение огромного художественного масштаба. Поставленную перед собой задачу композитор разрешил со всей мощью своего таланта, со всей силой своего высокого творческого интеллекта.

Шостакович в 7-й симфонии идет по тому же пути, что и в 5-й симфонии, в фортепианном квинтете, отчасти в 6-й симфонии. Вместе с тем симфония внесла много нового в симфонический стиль Шостаковича. Его изумительное оркестровое мастерство стало еще выше, еще отточнее. Музыкальный язык — проще, яснее.

Интересно, что Шостакович достигает чрезвычайной доступности музыкальной мысли даже там, где он пользуется по существу сложными гармоническими сочетаниями и мелодическими оборотами. Таково, например, соло фагота в первой части. Оно довольно сложно и по гармоническому стилю и по мелодике. Но предельная простота оркестрового изложения делает его вполне понятным любому не искушенному в музыке слушателю.

Мудрая экономия оркестровых средств — свойство всех истинно больших мастеров симфонизма — вообще отличает 7-ю симфонию.

В заключение надо отметить блестящую работу и оркестрового коллектива, составленного из оркестров филыала ГАБТ и Радиокомитета, и дирижера С. А. Самосула. Самосуд сумел показать не только многочисленные оркестровые красоты труднейшей партитуры Шостаковича, но и глубоко передать содержание новой симфонии Шостаковича. Самосуд дирижировал с подлинным вдохновением, увлекшим и оркестр и слушателей.

Хочется сказать, наконец, об отношении советской общественности к 7-й симфонии. Об этом произведении говорилось задолго до его исполнения. А исполнения ждали как большого праздника искусства. Эти строки пишутся накануне открытого исполнения (после генеральной репетиции). Можно заранее сказать, что зал на первом исполнении будет переполнен. Счастливым, успевшим записаться билетами, завидуют друзья и знакомые. И это происходит в дни войны, в Москве, ощущающей дыхание фронта!

Да, народ, так любящий свою культуру, сумеет запитать ее от фашистских варваров. Народ, проявляющий такую выдержку, не может быть побежден. Этот народ победит. И мы услышим новые замечательные образцы советского музыкального искусства, которые создадут и Д. Д. Шостакович и другие мастера. Их создадут и молодые композиторы, которым надо учиться у Шостаковича, сумевшего написать такое произведение, как 7-я симфония, в условиях военной обстановки.

Вано МУРАДЕЛИ.